

Ода Тюмени

Ода Тюмени

Выпуск 5

Муниципальное автономное учреждение
культуры города Тюмени
«Централизованная территориальная библиотечная система»
ИНН 7204037863
Филиал МАУК «ЦГБС»
«Информационно-библиотечный
центр для молодежи»
г. Тюмень, ул. Чернышевский перекресток, 15, корпус 1

Издательский дом «Титул»

Тюмень

2012

ББК 94.3

О 40

Сборник издан при финансировании Администрации
города Тюмени.

Ода Тюмени: Сборник. – Тюмень: ООО «ИД «Титул», 2012.
104 с.

Сборник произведений самодеятельного словесного творчества жителей города и его окрестностей.

Издано по материалам шестого открытого городского конкурса литературного и песенного самодеятельного творчества «Ода Тюмени» с сохранением авторских редакций.

МАУК «Тюменская городская юношеская библиотека», как организатор конкурса, выражает благодарность Департаменту культуры Администрации города Тюмени за всестороннюю поддержку конкурса «Ода Тюмени».

ТЮМЕНСКАЯ СИМФОНИЯ

Жизнь слайды дней на улицах меняет,
Над ними волей свыше ворожит.
И в книге судеб память сохраняет
Тот день, что каждым сердцем пережит.
 Названья улиц города Тюмени
 Волнуют мысль известностью имён.
 На бывшей Царской голоса мгновений
 Закручены в симфонию времён.

Звучат история и современность:
Помолодели франты-фонари.
Одетая в погодопеременность
Неповторимость города царит.

Цветной бульвар в ответ дождю представил
Осеннюю коллекцию следов.
В них листья сжаты, как янтарь в оправе,
И предвещают близость холодов...
 Не впали в зимний сон аттракционы –
 Жужжат в тюменском Парке Городском.
 Детей и взрослых, в город свой влюблённых,
 Ещё прокатят лихо с ветерком.

Дождь расплескался на Аллее Кошек,
Помыл им шубки – пусть они блестят!
Качая струи-ленты понемножку,
Игрушкой стал у бронзовых котят.

Мост улыбается размашисто и нежно:
Он очарован крутизной правобережной.
Играет солнце силой каменного блеска:
Под теплоходный гул, под перекаты всплеска.

Лучи коснулись нежно клавишей ступеней,
И у скульптур остановились молча тени.
Объят газонами и камнем каждый ярус,
Веков Сказания разверзли к небу парус.

Туру в нарядах, рукотворно обновлённых,
Обнял улыбкою вальяжно Мост Влюблённых.
Он поднял к небу брови взглядом изумлённым,
Любуясь также левым берегом зелёным,
Который шелест веток шлёт приветом бойким
Правобережной современной новостройке.

Слились в потоки чудных стоголосых песнопений
Со всех тюменских улиц золотые голоса.
Любовью горожан к родному городу Тюмени
Умножена стократно рукотворная краса.

И глаз не оторвать от яркой стройности строений:
Взор каждого окна осмыслен и неповторим,
Как чёткий такт в Симфонии Величия Тюмени,
А звон колоколов вершит её заздравный гимн!

«ОДА» РОДНОМУ ГОРОДУ»

Мой город? – я люблю его, конечно...

И не смотря на грязь на вековую,

На зиму долгую, холодную и злую,

Любить его, наверно, буду вечно.

Обычный город – средне-захудалый,

И на другие, вообщем-то, похожий:

Народ такой же, как везде, и небо то же...

Поэтов много, только толку мало...

Здесь как везде – безумство правит бал,

Стяжательство превыше идеалов,

И добродетель в роли маргинала –

О ней давно никто не вспоминал.

Мой город – он конечно эгоист:

Твердит, что на земле он самый лучший...

Сутулый, несуразный, неуклюжий –

Он всё же безнадежный оптимист.

Мой город вечно пьяный – как всегда;

Мой город вечно деловой и модный;

И вечно он на паперти голодный;

И вечно ожидает поезда...

Мой город многоликий – он живой!

Где звон колоколов и лай собак,

И гул машин, и маты пьяных драк,
Перемежаются над ржавою рекой.

Обычный город – средне-захудалый

И на другие, вообще-то, похожий:

Народ такой же, как везде, и небо то же...

Поэтов много, но хороших мало...

Мой город! – я люблю его, конечно!

И не смотря на грязь на вековую,

На зиму долгую, холодную и злую,

Любить его, наверно, буду вечно.

Ведь Родина – она всегда святая! –

Какой бы ни была, – она как мать!...

Но всё ж, пардон, я не умею воспевать.

Я слишком объективен? – Понимаю...

ПОСВЯЩЕНИЕ ГАЛИНЕ ЛОГАЧЕВОЙ

Отмирает древняя традиция
Каждый праздник песнею встречать:
Принято теперь, как за границую,
Торжества степенно отмечать.

Не поют гармони за околицей
Даже самых дальних деревень,
И без песен и растет, и строится
Прежде голосистая Тюмень.

В череде волнующих событий
Мы от жизни рано устаем,
И, привычно радуясь открытиям,
Мы застольных песен не поем.

А услышав, что беззвучье улиц
Кто-то звонкой песнею спугнул,
Обвинить спешим в хмельном загуле
Тех, кто голос городу вернул.

Грусть и радость можно молча вынести,
Только мне понятно не вполне,
Как ребята, что без песен вырастут,
Будут славу петь родной стране?

Детство быстроногое, беспечное
Доверяет чувству, не словам.
И к хорошей песне тяга вечная
В детских душах подлинно жива.

И взлетают вдохновенно руки,
Увлекая песней голоса...
Светлые восторженные звуки
Улетают птицей в небеса.

И, во власти искреннего чувства,
Дети, ясноглазы и чисты,
Припадают к родникам искусства,
Утоляя жажду красоты.

Сергей Дюкалов

Гуляй, Тюмень, –
Имеешь нынче право
Кружиться каруселью до утра.
Гуляй, Тюмень,
Сегодня – ты держава
Раздолья, равноправья и добра.

Пусть солнце бьется
Пойманною рыбой
В сети сырой незваных облаков.
Я вижу море
Солнечных улыбок
И радугу восторженных цветов.

Благословляю
Дальнее то лето,
Когда здесь встали струги Ермака,
Чтоб сквозь снега
И горести столетий
С Россией ты сплелась наверняка.

ЯМСКАЯ СЛОБОДА

Ямщики – голосистое племя,
Разудалая служба – гоньба.
В стародавнее, давнее время
Вас с Тюменью связала судьба.

Колокольчики с подголосками
Оживили безмерную ширь –
Породнилась с царями московскими
Покоренная ими Сибирь.

Сквозь Тюмень мою от Московии
На Тобольск, на Иркутск, до Камчатки
Ямы – станции понастроили,
Верстовые столбы – «полосатки».

Сколько верст, желанных ли, тягостных,
Перемеряно – перевязано,
Сколько дум, невеселых иль радостных,
Ветру встречному пересказано...

Уж давным-давно авто быстрые
Гладят ваши тракты и тропочки,
Но сердца людские сибирские
Не забыли звонкие троечки.

А постройки да мостовые
Полевой, Никольской, Ямской
Сохраниют следы дорогие
Жизни самой первой в Сибири –
Затюменской слободки ямской.

ОСЕНЬ ПРИШЛА...

Пасмурный хмурый день.
Осень пришла в Тюмень,
Плачет нудным дождём,
Просится в тёплый дом.

Тополь лист уронил,
Ветер лист подхватил,
Под перестук дождя,
В полёте его кружа.

Ветер дождинок кисть
Снизу бросает ввысь,
На витражах витрин
Слёзный рисуня сплин.

Дождь намочил листву,
Мокрую смял траву
И через лужи вброд
Хмурый народ идёт.

Осень в Тюмень пришла,
Город в полон взяла.
Мокнет собор Петра,
И вдаль бежит Тура.

Городу над рекой
Осень встречать не впервой,
Щедрой она рукой
Сыплет по мостовой
Золото прошлых дней
С клёнов и тополей.

А для подруг берёз
Дождь не жалеет слёз,
И у их белых ног
Ветер шальной прилёг.

Осень пришла в Тюмень,
Пасмурный хмурый день
Серым плачет дождём,
В теплый стучится дом.

Надежда Крымова

Я – КРАНОВЩИЦА

Я на башенный кран
Поднимусь поутру,
К зорьке алой
Я стану поближе,
Подмету пол в кабине
И стёкла протру,
С высоты я
Весь город увижу.

Но разглядывать некогда,
«Майна» кричат,
Мужики заказали бетон,
Под раствор окорят
Поставлю я в ряд,
На леса –
Кирпич по поддону.

Между осью
Седьмой и восьмой –
Перекрыть,
Опущу на плиту я крюки,
Перемычки БУ
На проём уложить,
И поставить
С цементом мешки.

День деньской
По четыре контроллера
Враз, «Вира» груза,
И «Вира помалу, стрелы»
Выполняю я
Стропаля взмах,
Как приказ,
Чтобы высотки
Росли и росли...

Галина Грищаченко

ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР

Детский гомон, цветы, развлечения,
Струи радуг в фонтане большом,
Радость отдыха, радость общенья,
На бульваре, бульваре Цветном.

Чтоб увидеть свой город и дом,
Прокатись колесом обозренья,
Центр любви, доброты и веселья,
На бульваре, бульваре Цветном.

Город мой из стекла и бетона
И в старинном узоре резном,
Я люблюсь тобой, безусловно,
На бульваре, бульваре Цветном.

Красоту лучше сам оцени,
Описать невозможно пером,
На скамейку присядь, посиди,
На бульваре, бульваре Цветном.

Мир прекрасен, но кажется мне,
В этом мире огромном, родном,
Место лучшее есть на земле,
На бульваре, бульваре Цветном.

Альбина Никитина

ДОРОГИЕ МОИ, МЫСОВЧАНЕ!

Мы живем на окраине города,
Где зеленый березовый рай,
Где рассветные тихие росы,
Где купайся, гуляй и грибы собирай.

Дорогие мои, мысовчане,
Вы приветливы все и добры,
Вы, как белые наши березы,
И лицом и душою светлы.

Общий дом наш, где озеро, роцца,
Бор зеленый шумит и шумит,
За поселок, за нашу природу,
Здесь у каждого сердце болит.

И куда б ни уехали с вами,
В сердце малая родина – Мыс,
Всё родные знакомые лица
И просторы зовут – возвратись.

Дорогие мои, мысовчане,
Вы приветливы все и добры,
Вы, как белые наши березы,
И лицом и душою светлы.

Мария Микерина

Нарисую Тюмень я родимую
Краской яркою да непоблекшею.
Небо будет лазорево-синее,
А деревья задумчиво-нежные.

Огоньки разбегутся уставшие –
Разбегутся огни, да не спрячутся;
А над старыми хлебными пашнями
Золотистое солнце расплачется.

Засверкает Тура беспокойная,
Замелькают оконные ставенки,
Рядом с садом и огородами
Расположатся дворики с парками.

Цветники ярким буйством порадуют,
Магазины рассыпятся ворохом,
А огромные строгие статуи
Окружат себя лиственным шорохом...

Нарисую Тюмень я родимую –
Повелело мне так вдохновение.
Жаль, что красок не хватит в палитре мне
Для портрета ее настроения.

МОЙ ГОРОД

Мой город украшен следами прохожих,
Листает в нём жизнь наших судеб страницы.

Страница моя в этой книге есть тоже.

Зачем? Чтобы памятью с городом слиться.

 Чтоб утром однажды опять прогуляться

 По улицам детства, где всё так знакомо.

 Тюмень! Мне с тобою вовек не расстаться.

 Ты – свет в ярких окнах родимого дома.

Пусть вновь поменялись события, даты,

Летающих мгновений цепь неуловима,

Но облик твой запечатлён многократно

В легендах и былях, мой город любимый.

 Мосты и аллеи, фонтаны и скверы...

 Сквозь грани веков мне почудится снова

 То давнее время, когда ты был первым

 В Сибири на славу Отчизне основан.

И вот ты стоишь горделиво, степенно,

И смотришь с улыбкой на лет мельтешение.

И вьётся Тура в голубых твоих венах,

Меняя сквозь водную рябь отражение.

 Лица твоего, всё ещё молодого,

 Хотя испытал ты, мой город, немало.

 И странно, мне кажется, снова и снова,

 Что Юность и Вечность берут здесь начало.

ДВЕ ВСТРЕЧИ СО СКУЛЬПТОРОМ КЛЮКИНЫМ

Прошлым летом во многих городах России проводились торжественные мероприятия по случаю 100-летнего юбилея легендарного разведчика, героя Советского Союза Николая Кузнецова. В средствах массовой информации появилась целая серия новых материалов о его жизненном пути и незабываемом подвиге.

У бюста, установленного в небольшом скверике перед входом в Тюменскую сельскохозяйственную академию, состоялся митинг памяти великому человеку, о подвиге которого помнят спустя несколько десятков лет. Также вспомнили и о мастере, увековечившем память героя.

Присутствуя на одной из церемоний, посвящённой прославленному разведчику, мне вспомнилось наше необычное знакомство со скульптором Алексеем Ивановичем Клюкиным, о жизни которого на протяжении длительного времени нигде даже не упоминалось.

...В середине 70-х городской сад в Тюмени считался чуть ли не единственным местом встреч и развлечений для молодого поколения. Как-то в один из погожих летних вечеров, вволю накатавшись на аттракционах, мы присели с друзьями на скамейку близ памятника Пушкину, чтобы обсудить, где и как провести предстоящие выходные.

На соседней скамейке одиноко сидел уже немолодой человек в сером берете, в костюме тоже серого цвета, на пиджаке которого нельзя было не заметить наградные планки, свидетельствовавшие о том, что этот человек – участник Великой Отечественной войны.

Сначала пожилой мужчина, явно слыша наш разговор, сидел молча, иногда только с улыбкой посматривал в нашу сторону.

– А вы, ребята, – воспользовавшись паузой, неожиданно обратился к нам незнакомец, – читали роман Дмитрия Медведева «Сильные духом»? И, получив утвердительный ответ, спокойным, слегка приглушённым голосом, начал рассказывать о подвигах героя-земляка, о его семье, о том, как Кузнецов учился на агронома в Тюменском сельхозтехникуме. И немного помолчав, будто что-то вспоминая, добавил:

– А ведь завтра ему исполнилось бы 64 года.

Слушая неторопливую речь фронтовика о прославленном советском разведчике, кто-то из ребят робко поинтересовался:

– Скажите, а вы с ним встречались?

Наш собеседник отрицательно покачал головой:

– Нет. Мы с ним не были знакомы. Но с его родственниками мне не раз приходилось встречаться. А в 67-м на открытии памятника Н.Кузнецову присутствовал его родной брат Виктор.

Разговор с нашим новым знакомым, который представился дядей Лёней, длился где-то более получаса. Затем он, посмотрев на часы, стал прощаться. Но перед тем, как уйти, всучил Вовке, который больше всех задавал вопросов, клочок бумаги, на котором был записан адрес и номер телефона, где значилось полное имя нашего собеседника – Клюкин Алексей Иванович.

Признаюсь честно, его фамилия нам абсолютно ни о чём не говорила, а вот на имя сразу обратили внимание. На что дядя Лёня ответил:

– Это я по документам – Алексей, друзья и родственники называют меня Леонидом. – И тут же добавил:

– У Кузнецова, кстати, тоже было два имени: родители его нарекли Никанором, а мы его знаем как Николая. И заметьте, мы оба – Ивановичи. И как бы спохватившись:

— Ой, ребята, мне уже следует поторопиться. Приходите ко мне в гости, и мы продолжим тему нашего разговора. Ещё я вам могу показать свою мастерскую.

С этими словами дядя Лёня удалился.

Оставшись одни, мы немного порассуждали о странностях малознакомого нам мужчины и вскоре как-то забыли об этом.

А вспомнить о нём нам помог случай, когда не смогли попасть ни в один кинотеатр города, так как в Тюмени шла какая-то премьера, на которую все билеты были заранее распроданы. В драматическом – выходной, а в музеях, в которых мы уже неоднократно бывали (их тогда насчитывалось в городе всего три: краеведческий, музей Блюхера, да картинная галерея) – экспозиции не так часто обновлялись, как в теперешние времена.

Поскольку идти было некуда, мы разом заскучали. Кто-то из девчонок с заметным сожалением произнёс:

– Был бы сейчас дядя Лёня, он бы ещё что-нибудь интересное рассказал.

Но в этот день Алексей Иванович в городском саду так и не появился, а его адреса с номером телефона у Вовки при себе также не оказалось. Бесцельно побродив окрест центра города, мы решили разойтись по домам. Как вдруг заметили шедшего по улице Первомайской в сторону вокзала нашего недавнего знакомого дядю Лёню. В одной руке Алексей Иванович нёс сетку с продуктами, в другой – десятилитровое ведро, закрытое крышкой. По всей видимости, ноша всё-таки для него была несколько тяжеловатой, так как он шагал медленно, часто приостанавливался, ставя ведро на землю, отдыхал.

Окликнув Алексея Ивановича, мы предложили помочь ему донести его вещи, на что он радостно согласился.

Дом дяди Лёни находился по чётной стороне улицы Вокзальной, не очень далеко от того места, где мы его встретили.

Во дворе стояла какая-то ёмкость с замешанной глиной. Напротив дома располагался большой бревенчатый сарай, именуемый домашней мастерской, в которой мастер изготавливал эскизы для монументальных работ. На полках стояло несколько бюстов вождя пролетариата, памятник-миниатюра Ермаку и многочисленные варианты скульптурных портретов Николая Кузнецова, подвигами которого был восхищён тюменский скульптор Алексей Клюкин. О каждом экземпляре своих произведений мастер рассказывал с душевной теплотой и любовью, поведал о том, как, работая над созданием определённого образа, у него возникал тот или иной замысел.

Алексей Иванович приглашал нас в мастерскую, которая располагалась в подвальном помещении по улице Орджоникидзе, где, по словам автора, находились его работы на завершающем этапе. В этой мастерской по некоторым причинам нам так и не удалось побывать.

Я рассказала о двух встречах с тюменским скульптором Алексеем Клюкиным... хотя была ещё и третья... последняя: кратковременная и немногословная.

Ранней весной 1977 года я улетала из аэропорта Рожино на Черноморское побережье Кавказа. Одновременно с сочинским рейсом шла регистрация авиабилетов на Москву. В этом людском потоке мне всё-таки представилось возможным заметить коренастого, плотного телосложения человека в сером плаще и в серой шляпе. В нём я сразу узнала тюменского скульптора А.Клюкина. Алексей Иванович выглядел неважно, он был либо не совсем здоров, либо чем-то раздосадован, невпопад отвечал на вопросы... С этого дня прошло уже более 30 лет, и в связи со 100-летним юбилеем великого разведчика в одной из публикаций было сказано, что автор памятника Николаю Кузнецову Алексей Клюкин осенью 1977 года в возрасте 54 лет нашёл своё пристанище на Червишевском кладбище.

Два знаменитых человека – разведчик Кузнецов и скульптор Ключин. Оба жили в нашем городе, прошли нелёгкими дорогами войны. Один в школьные годы был увлечён немецким языком, другой – изобразительным искусством, что в конечном итоге послужило одному стать легендарным разведчиком, другому – известным скульптором. Оба рано ушли из жизни. Вспомним их и каждому воздадим должное.

Я ПОМНЮ, Я ГОРЖУСЬ

У каждого из нас есть любимое местечко в городе. С ним, этим уголком, познакомила меня родная и никогда незабываемая, та, на которую я похож как две капли воды милая мама, когда мне было лет 5–6.

И вот сейчас, когда завершён первый этап строительства набережной реки Туры, я вновь пришел на свое любимое с детства место...

Детские годы. Кто их не вспоминает с радостью и нежной грустью. Это то время, когда над тобой постоянно светит яркое, доброе, ласковое солнце, нет ни тени грозowych туч, ни проливных дождей. А если даже лило, то ты под этим теплым дождем носился сломя голову со своими сверстниками босиком по согревающим душу лужам, рассекая их и ничего вокруг не замечая, не думая о том, что дома тебя ждет строгий взгляд матери, да только ли взгляд – ведь то было время Великой Отечественной войны.

Всю свою быстротекущую жизнь прожил в городе Тюмени, и на моих глазах произошли и происходят значительные изменения облика любимого города. Кстати замечу, что если ты в нем живешь, то его надо любить, как своих горячо любимых и уважаемых родителей.

До школы жили мы на улице Пролетарской, дом 2, что в Затюменке, а ясли, которые посещал, находились в двухэтажном деревянном здании с зеленым уголком для детей, расположенном на углу улиц Казанская и Димитрова. Позднее, в 9-летнем возрасте, сюда носил свою махонькую кровную сестренку, но жили мы уже в поселке «Красный Октябрь». Улица Казанская, впрочем, как и все остальные, очень грязная, непроезжая после дождей – даже

не везде были деревянные тротуары. Когда я стал «самостоятельным», меня перевели в садик, что был на углу улиц Луначарского и Ирбитской. Это здание и сейчас, покосившееся и похожее на дряхлую старушку, стоит на том же месте, только садика там давно нет.

Следующий этап – школы. В 14-й учился до 4-го класса, в 22-ой семилетка, и в 26-й – десятый класс, и все они были на одной центральной улице Затюменки – улице, самой древней в этом районе и носящей фамилию народного комиссара просвещения и некогда проезжавшего через Тюмень – Анатолия Васильевича Луначарского. Еще на этой магистрали находилось и находится великолепное по своей архитектуре здание, построенное в начале XX века для коммерческого училища. В годы Великой Отечественной войны это удобное и просторное здание было отдано под госпиталь и нас, дошколят, приводили сюда к раненым, а мы дарили им свои рисунки, вышивки, пели, читали стишки. Кроме того, рядом с этим зданием был расположен изумительный живописный зеленый сад, именуемый в народе «Дунькин», и нас обязательно приводили в эту жемчужину. Здесь же набирались сил выздоравливающие раненые. Сад этот тянулся от реки Тюменки до стен Троицкого монастыря.

Откровенно говоря, уже не помню, как он правильно назывался, зато помню точно, какой это был чудеснейший зеленый уголок природы в нашем городе. Здесь были и тенистые аллеи, и танцевальная площадка, где под духовой оркестр кружились пары (в основном женские), и великолепные беседки на очень крутом берегу реки Туры (здесь мы сидели с мамой) с величайшей и незабываемой панорамой заречной части города, и лестница-спуск по крутчайшему откосу с перилами и площадками со скамейками к купальне, и замечательный шедевр – деревянный мост через реку с установленными перед ним ледоколами. Как часто мы вместе с

мамой гуляли здесь, тем более что сад обслуживал ДОК «Красный Октябрь», а мама работала на нем.

Школьником, во время ледохода, я на неделю устраивал себе каникулы: сидел на берегу реки в маленькой ложбинке возле большого разлапистого тополя под согревающим весенним солнцем и наблюдал, как солдаты взрывали лед перед мостом, а затем уже обломки его после каскадного фейерверка неслись по реке тюменской, матушке-кормилице. Какое это загляденье! Кажется, круглые сутки любовался бы таким мимолетным и постоянно меняющимся видением.

Но постепенно все утратилось: сад закрыли, замолкли звуки оркестра, а затем разобрали танцевальную площадку, разрушились лестница и беседка, рухнул мост.

Учась в начальных классах, мы любили скатываться с этой крутизны на пятой точке, естественно, рвали старенькие пальтушки, сумки и штаны, за что дома, конечно же, нас «благодарили». Это сейчас можно ходить в рваных джинсах, а тогда это было зазорно, и мать искала материал на заплаты.

Позднее, где-то в начале 50-х годов на месте сада установили трамплин, с которого прыгали спортсмены, а мы, подростки, катались на лыжах с этого крутого и длинного откоса, кто с середины, кто с вершины, а кто и с трамплина (с разрешения спортсменов). Летишь, и дух захватывает – вот где вырабатывались сноровка, закалка, сила воли и сила духа. Сейчас на этом месте стоит мачта высоковольтной передачи. Берег постепенно подмывало, и трамплин вначале перенесли на другое, более пологое место, потом на Городище, а затем совсем убрали.

Шли годы. Природа делала и делает свое черное дело – берег рушится, и почти не осталось следов от «Дунькиного» сада – жемчужины района, осталась лишь одна жалкая полоска.

В 1956 или 1957 году председатель горисполкома Петр Петрович Потапов, выступая в городском саду (сейчас здесь Цветной бульвар) на открытой эстраде (тогда это было рядовым явлением) пообещал, что через два-три года начнется укрепление берега Туры. Но время замедлило бег. Замедлило в том плане, что данное обещание, в будущем Героя Социалистического Труда и Почетного гражданина города, стало выполняться, к большому сожалению, уже после его смерти.

Однако обрушение берега плавно и целенаправленно продолжается и постепенно подкрадывается к строениям Троицкого монастыря - самого старейшего комплекса зданий города, из стен которого монах Алексей Любимов, уроженец Тюмени, прибыл в Москву «бить челом о монастырских нуждах», а в результате вместе с патриархом Иоакимом венчал на царство братьев Романовых Ивана и Петра Алексеевичей. Не нужно забывать, что там, где находятся опоры моста «Влюбленных», в свое время находилась первая церковь города – вначале Рождественская, а после пожаров – вновь построенная Благовещенская. После войны здесь на ее фундаменте размещалась пивная, любимое место сбора участников войны, но потом и его не стало: река, как ненасытная прорва, поглотила все.

Стоя на крутом берегу моей плавно текущей реки, вспомнил, как два раза тонул: первый раз попал в прорубь, учась в 4-м классе и идя в школу, а второй раз попал в полынью 7 марта 1952 года, когда возвращался с покупкой для мамы в честь 8-го марта, но река не приняла меня, и я выбрался вместе с покупкой, поэтому и называю ее родной матушкой. Помню, как мы с подружкой ночью на лодке на веслах поднимались вверх, при светящейся луне, а затем по течению спускались вниз, да и многое-многое другое, связанное с моей любимицей рекой.

Давно уже нет в живых мамы, с которой мы гуляли по берегу и вели неторопливые и задушевные разговоры: где там мой отец, а ее муж, жив ли (время-то было военное) и т.д. и т.п.

Не стало и моей второй половинки, с которой прожили в мире и согласии 46 счастливых и незабываемых лет, а река течет, бежит и, к сожалению, подмывает крутой берег.

...Стоя на берегу реки, возле строительной академии, задумался: хватит ли мне жизни, когда открытая чудеснейшая мраморная набережная пройдет дальше в сторону истока, то есть реки Бабырки, и в пределах города не даст непокорной моей любимице баловаться и разрушать берег. Построят ли у академии лестницу, по которой можно будет спускаться к самой воде? Будет ли на берегу беседка, которая была много лет назад, чтобы сидя в ней любоваться красавицей и мечтать, мечтать, мечтать? Ведь это место, кроме того, находится в окружении храмов и на них также можно долго смотреть и любоваться позолоченными крестами. Если раньше они не были так великолепны, то сейчас они просто зачаровывают, тем более, что в далеком 1947 году мы были с сестренкой крещены в Знаменском соборе.

Прогуливаясь по невероятно красивой набережной, глядя на Заречную часть, задумался. Тюмень! Милая моя Тюмень! Как ты изменилась за то время, что знаю тебя и помню, превратившись из захолустного городка в цветущий город, что-то потеряла, но, в основном, очень похорошела. Похорошела не только за счет застройки окраин и превратив убогие деревеньки в огромные микрорайоны, но и вкрапывания зданий-красавцев или реконструкции старых. Город стал красивым, да и не просто красивым, но и ухоженным. Все дороги, которые помню грязными, непролазными, когда даже «скорая помощь» не могла добраться до дома, чтобы оказать помощь, сейчас или в асфальте, или зацебенены и свободно в самую ненастную погоду можно пройти по любой улице или

переулку без резиновых сапог. Прямо на глазах меняются улицы первого русского города Сибири.

Благоустроенные дворы, детские площадки, площадки для выгула собак, зеленые газоны придают дворам и улицам приятный внешний вид.

Тюмень, конечно, не столица,

Но все ж поспорить я готов:

В провинции добрее лица...

Потому что кредом руководителей города и области стало: создавать что-то новое и полезное, улучшая жизнь жителей города.

Прогуляться вечером по мосту «Влюбленных», по шикарной гранитной набережной, сходить во вновь построенный драматический театр, один из лучших в стране – это ли не наслаждение! Если пройтись по прекрасно оформленному городу в новогодние дни, полюбоваться освещенной Спасской церковью, выйти на Цветной бульвар и покататься здесь с ледяных горок, взирая на снежные крепости или отдохнуть в сквере «Комсомольский» с играющим фонтаном, то видишь, что Тюмень – светлый праздничный город.

А вот в начале шестидесятых годов энергию вырабатывала одна-единственная маломощная электростанция, что была расположена в Затюменке на берегу Туры на улице Коммунистической. Мощность ее была такой, что лампочки «Ильича» еле-еле светились вечером, а работала она на угле, пыль от которого из дымящейся трубы забивала глаза прохожим. Когда в 1953 году в Тюмень был прислан вначале один энергопоезд, а затем второй – со светом стало немного лучше, потом построили ТЭЦ и не стало угольных осадков, да и электроэнергия стало хватать не только городу.

За последнее десятилетие Тюмень кардинально изменилась, превратилась в крупный центр деловой, культурной активности;

постепенно происходит качественное изменение жизни жителей.

Один из влиятельных тюменцев сказал про него так: «Потенциал нашего города оказался настолько велик, что все тюменские филиалы компаний-партнеров находятся на вершине российских рейтингов успешности, опережая показатели городов-миллионников». Действительно, Тюмень строится и это умный, динамичный, творческий, преуспевающий областной центр.

Нельзя не сказать пару слов о спорте, так как за последние годы построены новые дворцы спорта, а во Дворце дзюдо проведено первенство мира и Европы, словом, нашим спортсменам созданы все условия для тренировки, и поэтому совсем не случайно они занимают ведущие позиции на мировой арене. А И.Плотников, Н.Лопухин, А.Насорулин, Л.Васильева стали Параолимпийскими чемпионами.

Да и что удивляться, если к бывшему коммерческому училищу, возле которого когда-то был трамплин, пристроили здание, внутри которого великолепный плавательный бассейн, а в периметре рядом расположенных улиц Луначарского – Ирбитской – Ямской – Казанской строится Дворец спорта по лучшим мировым стандартам, вместо отживших свой век халупок.

За свою жизнь я побывал во многих исторических местах: это и знаменитые озера Байкал и Рица, Мамасв курган в Волгограде, Московский Кремль с его старинными соборами, Оружейной палатой, Дворцом съездов и царским театром, что за Кремлевской стеной около Мавзолея В.И. Ленина; и Красная площадь, знаменитая ВДНХ; главные музеи Москвы и Ленинграда, исторический центр Санкт-Петербурга, Петергофа и Павловска, Петродворца, Брестская крепость, белокаменные памятники Суздаля и находящийся там великолепнейший музей «Золотая палата» с наилучшими в стране иконами и книгами, знаменитая Кунгурская пещера, знаменитый всемирный «Музей юмора и сатиры» в городе Габрово в

Болгарии и во многих других памятных местах. Так что сравнить есть с чем, и все то, что промелькнуло в памяти, да и не только это, наполняет сердце любовью, как к моей любимой Родине, так и к родному городу.

Поэтому, стоя на берегу, на любимом месте, мне хотелось сказать: «Край мой родной, моя Тюмения, здесь я вырос, здесь крестился, здесь прошла моя непростая жизнь – более 70 лет, и краше тебя нет». Ведь недаром в народе говорится: «В гостях хорошо, а дома лучше». И сколько бы я не находился за пределами города, но сердце мое, душа моя всегда рвалась домой и возвращалась в неизбывной тоске, как жених к долгожданной невесте.

Тюмень – ты первый в области город по жильцам, по культуре, по делам. Ты наш дом, наша Совесть и Гордость, здесь наш щит – это Знаменский храм. И твоя история неразрывно вплетена в историю моей могущественной и необъятной страны России. Частичку своего следа оставил и я не только тем, что мы с женой вырастили замечательных дочерей и внуков, но и тем, что мое приспособление на железных дорогах СССР, а сейчас России, действует с 1974 года и обеспечивает безопасность движения всех поездов.

Вот такие мысли промелькнули у меня, пока стоял на берегу Туры и любовался, как небольшой ледокол ломал хрупкий лед.

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

2002-й год, 14-е ноября, – заключительный день работы XIV-й Всероссийской научно-практической краеведческой конференции «Словцовские чтения – 2002». Уже прослушаны все доклады и выступления, окончены споры, высказаны мнения и предложения, определены лучшие работы. Призы, подарки и цветы покинули стол президиума и украсили зал. С коротким заключительным словом к присутствующим обращается главный инициатор и организатор этого интеллектуального пиршества гуманитариев в Тюмени, директор Тюменского Областного Краеведческого Музея, Татьяна Михайловна Исламова. Она же приглашает всех, по традиции, завершить встречу культурной программой. На сей раз – осенним праздником ремесленников «Кузьминки».

Едем в музей «Церковь Петра и Павла», вспоминая, что открылся он в 1988 году, уютно, со вкусом, разместившись в отремонтированном здании церкви. Директор музея Войнова Наталья Васильевна знакомит нас с интереснейшей экспозицией «Ремесла Тюмени». Нотка непонятой тогда грусти сквозит в ее сообщении. Экскурсию венчает звонкоголосый, нарядный и красочный, фольклорно-этнографический ансамбль «Росстань». Разыгрывая старинный праздник, артисты вовлекают и нас в свое веселое действо, подведя хоровод к «Сибирскому чаепитию» – аппетитной выставке, «с вкушением». По праву хозяйки, Наталья Васильевна радушно приглашает: «Чай да сахар, дорогие гости!». Перед нами на большом столе, на белоснежной скатерти, шумит старинный самовар, обвешанный связками баранок; возвышаются горки пышных, румяных шанег, расстегаев и калачей; в вазочках с «комковым» сахаром лежат блестящие щипчики для его измельчения.

Заварочный чайник, венчающий самовар, источает ароматы мяты и других трав. Из современных атрибутов – только чайные пакетики, но мята привлекает всех больше.

В приподнятом настроении покидаем мы гостеприимный коллектив, не зная, что это последняя наша встреча здесь – вскоре, достигнув пятнадцатилетия, музей завершит свое существование: здание передается Тобольско-Тюменской епархии... Держа в руках приобретенные на память разноцветные глиняные свистульки, обязательный атрибут «Кузьминок», с удовольствием выдувая из них мелодичные звуки, выходим в заснеженный город.

Приятный морозец, звонкий хруст под ногами освежают и радуют. В автобусе оказываюсь сидящей рядом с Ольгой Викторовой Трофимовой – доктором философии, заведующей кафедрой русского языка Тюменского Госуниверситета. Знакомы мы не были, хотя и улыбались друг другу, встречаясь на «Словцовках». Разговорились – об удачно прошедшей конференции, о старой Тюмени. Оказалось, что обе – тюменки не в одном поколении, чем и определилось направление беседы. Узнав, что у меня есть фотография дочери тюменского купца В.Л.Жернакова с дарственной надписью, Ольга Викторовна оживилась и сказала, что это может заинтересовать ее коллегу, профессора-лингвиста из США Ольгу Борисовну Йокояма, родную внучку купца. Недавно, почти случайно, после научной конференции в Екатеринбурге, она побывала в Тюмени и предполагала приехать вновь – для работы с письмами ее родственников, хранящимися, к ее удивлению и радости, в нашем архиве.

Оставив свои координаты, для связи, взволнованная таким наполненным приятными событиями днем, медленно иду по сверкающему снегу. Начинаю вспоминать мамины рассказы о прежней Тюмени, о Жернаковых. Эта фамилия часто звучала у нас в семье: мама бывала в их доме на красивых, веселых детских праздниках

и молодежных балах – в Рождество, на Масленицу, на Пасху, а с племянницей Василия Лавровича, Ниной Жернаковой – дружила, с гимназических времен, всю жизнь. Дважды, в 1928 и 1960 годах, Нина Ивановна приезжала к нам в гости. Сохранилось несколько фотоснимков подруг.

Дома я сразу нашла фотографию, о которой зашла речь в автобусе, и на обороте ее прочла: «1 августа 1918 г. Хорошей и самой любимой Лидии Васильевне от Сони» и приписка маминой рукой – «Сонечка Жернакова». Вспоминаю обстоятельства, при которых это фото попало ко мне. Они не только дороги как память, но и чуть-чуть вводят в ту, прежнюю, по выражению мамы, жизнь горожан.

Моя тетя, а точнее двоюродная бабушка – Ольга Васильевна Падалка, в девичестве Белоглазова, родилась в Тюмени и первоначальное свое образование получила в Тюменской прогимназии, по окончании которой в 1900 году была награждена Похвальным листом – «за отличные успехи, прилежание и поведение». Школьницей я любила разглядывать этот документ с красивой рамкой, составленной из трех портретов А.С. Пушкина и иллюстраций к его произведениям. Впоследствии Ольга Васильевна закончила Омскую гимназию, потом медицинское отделение Московских Высших Женских Курсов, уехала за мужем в Киев и прожила там до конца жизни, работая врачом-педиатром.

Тетя Оля, так звали мы ее всю жизнь, была очень дружна со своей старшей сестрой, нашей родной бабушкой по маме, Пелагеей Васильевной Витко, женой смотрителя городской больницы. Все в этой семье очень любили молодую, веселую, красивую родственницу. Каникулы Оля обычно проводила у сестры. Мама, в то время гимназистка младших классов, боготворила свою тетю и повсюду, где только было позволительно, ходила за ней хвостиком.

В Тюмени Ольга часто бывала в доме В.Л. Жернакова, на улице Ишимской, ныне Орджоникидзе, где жила ее близкая подруга Лидия Петрова, работавшая у купца счетоводом. Когда в юные и молодые годы я приезжала в Киев, тетя часто и живо вспоминала о юных и молодых годах своей жизни, времени светлом, духовно наполненном, не чуждом вольнодумных идей, витавших в воздухе. А мама рассказывала, как однажды получила от своего папеньки серьезную отповедь. Дело в том, что городской, «давний папин пациент», на участке которого находилась больница и дом смотрителя, в доверительной беседе, сообщил Дмитрию Петровичу, что дочь его Юленька, «намедни, сидя со мною рядом на скамье в Даудельной роще, побалтывая ножками, напевала мелодию... Марсельезы»... «Надо бы поосторожничать, доктор, откуда у нее такие познания?!», – многозначительно добавил он. А познания были – от обожаемой тетеньки. Дочь сообщила отцу: «Оля напевала Лиде в моей комнате эту красивую песенку, только слов я не запомнила, так как пела она очень тихо. Потом они стали разговаривать, а я пошла гулять. Они меня и не видели». Оле тогда пришлось уехать раньше, чем предполагалось, а Юленьке оставалось лишь горько плакать о том.

Отношения между подругами (Ольгой и Лидией) в некоторой степени поясняют надписи на сохранившихся фотографиях, которыми они обменивались, проживая в разных городах. Вот две из них (орфография сохранена).

Из Тюмени в Киев: *«Частица мыслей дорогому другу Ольге. Сколько надежд переживалось, сколько благородных высоких стремлений, веры в лучшее будущее, веры в себя и полную хорошую жизнь, в ея захватывающую кипучую деятельность, плодотворную работу. И она великая будет. Захватит в свой бурный водоворот. Яркая светлая заря зальет своим могучим светом весь мир, и люди узнают красоту жизни и ея самое. Апрель 20-е 1906г. Твой*

друг Лидия». Возможно, это цитата из какого-нибудь кумира тех лет, но «души прекрасные порывы» автора надписи очевидны.

Из Киева в Тюмень (Оля – Лиде): *«Еще только начало августа, а уже чувствуется и здесь на юге близость осени. Долго стояли дожди, ветры; ...обсыпаются акации, ...прохлада вечеров – и еще что-то почти неуловимое в воздухе говорит, что праздник в природе кончается... Как бы тебе внушить, чтоб ты написала?! Привет маме и Вале. Написала бы что –нибудь и о наших! ... Это (на фото – Л.Д.) – группа курсисток в хирургической клинике»...*

В 1959 году я поступила в мединститут. Поздравляя с этим событием из Киева, тетя Оля просила найти в Омске ее подругу – Лидию Васильевну Вейзе, с которой они потерялись в военные годы. Сколько прекрасных минут и часов подарила мне эта просьба!

Тетя Лида нашлась легко и быстро. В киоске «Горсправка», в течение нескольких минут, мне выдают квиток с точным адресом. Это центр, близко, и скоро я уже трижды звоню у старинного деревянного дома с красивым парадным и множеством кнопок. Дверь открывает маленькая, сухонькая, с ясными, серыми глазами, очень пожилая женщина. Через общую кухню проходим в маленькую тесную комнату. Она долго не может поверить «в эту радость». Находит, что я похожа на «великодушную твою прабабушку Доменику Савватеевну, которая одно время была нам с сестрой за мать, когда наша мама ездила к умирающему отцу». Не в силах остановить нахлынувшие воспоминания, она перебирает имена моих родственников и все повторяет: «Боже мой! Какие люди! Какая неожиданная, какая великая радость!»

Я стала частенько, хотя сейчас думаю, что непростительно редко, бывать у тети Лиды, с каждой встречей обнаруживая все большую близость во вкусах и взглядах, не смотря на огромную разницу в возрасте. Обе любили классическую литературу, музыку, живопись, скульптуру. Она обожала романс Чайковского на

стихи Алексея Толстого «Благодарю вас, леса», я – тоже, и мы даже пытались вместе тихонечко напевать его, причем, все слова безошибочно знала она, а я спотыкалась. От нее узнала, что это отрывок из поэмы «Иоанн Дамаскин»: вот почему не могла найти его раньше в сборнике стихов поэта. Она же познакомила меня с Антонио Кановой, подарив буклет Эрмитажа с фотографиями его прекрасных скульптур. Говорили и о многом другом. Например, о Боге и вере: «Для тебя, конечно, трудна эта тема, но вот я скажу, что верю в Высший Разум». Впервые слышала я такое. Задумалась. А ведь что-то в этом есть! В связи с изучением мною лечебного дела тетя Лида говорила: «У больного всегда надо спрашивать – как дошел ты до жизни такой?» Или – «Помни, всякое лечение надо начинать с желудка. Желудок всегда должен быть чист, как горенка!». Очень близки эти мысли к тому, что нам преподавали.

Когда я, закончив обучение, уезжала из Омска, мы ни секунды не сомневались в новых встречах, а оказалось, что расстались навсегда! При прощании тетя Лида подарила мне деревянный столик, «искусно выточенный твоим прадедом Василием Афанасьевичем Белоглазовым» и старинную фотографию – «старшей дочери Василия Лавровича Жернакова Сонечки», которую, как и все «это достойнейшее семейство» она горячо любила, уважала и вспоминала до конца дней своих.

В ноябре 2003 года в Тюмень приехала Ольга Борисовна Йокояма. Мы встретились в архиве. Знакомимся. Слышу чистейшую русскую речь! Садимся к компьютеру. Она показывает на экране сканированные фотографии своих родственников, живших до революции в Тюмени, многие из них я видела раньше, у тети Лиды. Останавливаемся на Сонечке. Достāju такую же. Рассказываю о Лидии Васильевне. «Не слышала про нее», – замечает Ольга Борисовна. Я припоминаю, что незадолго до отъезда из Омска познакомилась с родной сестрой Лидии Васильевны, недавно вернувшей-

ся из Харбина. Видела ее всего один раз и обратила внимание на оспины на лице. Ольга Борисовна оживляется, достает из сумки маленькую записную книжку – «это мамина». Листает. Останавливается. Читает: «Валентина Васильевна Петрова – учительница младших детей. Лицо круглое, изрытое оспой»...

Следующая наша встреча состоялась через несколько дней, на очередных Словцовских чтениях. Ольга Борисовна – доктор наук, филолог, профессор Калифорнийского университета, живая, улыбкающая женщина с русскими, тюменскими, корнями, сразу стала главной сенсацией традиционного сбора. Она привезла, в дар нашему музею, несколько вещей семьи своего деда, тюменских времен его жизни, волею судьбы объехавших вместе с членами семьи весь мир – Тюмень, Омск, Хабаровск, Владивосток, Китай, Япония, США и – снова Тюмень. Из них была составлена небольшая, но очень привлекательная экспозиция. Гостью фотографировала, интервьюировала вся наша пишущая и показывающая пресса! Она держалась просто, приветливо отвечала на многочисленные вопросы, а на другой день, на секции «История культуры края», сделала интересное сообщение «Письма семьи Жернаковых, 1881–1896 гг.» – начало своей работы над книгой.

В Рождественские дни 2004 года Ольга Борисовна с приехавшей на каникулы дочерью Верой побывали у нас дома. Нашлось много тем для общих разговоров. Вместе посетили их родовое гнездо. Преподаватели размещавшейся в нем школы любезно показали все помещения, рассказали о том, что было в них «в хозяйское время» и подарили ученическую тетрадь одной из дочерей Василия Лавровича, найденную когда-то в доме.

Осенью 2008 года, по результатам кропотливейшей работы Ольги Борисовны с эпистолярным наследием предков и другими документами семьи, найденными ею в архивах Тюмени, Тобольска, Вятки и других городов Кировской области, вышла ее книга.

В областном архиве я познакомилась с ней – красивый двухтомник в тысячу страниц, но – на английском языке! Перевести смогла только название – «Russian Peasant Letters Texts and Contexts» – «Русские крестьянские письма, Тексты и Контексты» По-русски написаны лишь отдельные фразы из писем – непривычные, интересные: «нутка не шутка, а спрос не беда»; «думают, что меня пора готовить взамуж, ...копить тело и приданое» и др. Романтичен эпиграф к книге – «Юная бабушка, кто вы?» – из Марины Цветаевой.

В последнее воскресенье весны 2009 года, совсем неожиданно, мы вновь увиделись с Ольгой Борисовной. Она, проездом в Тобольск на международный симпозиум лингвистов, останавливалась в Тюмени и несколько часов выделила для встречи с нами. Сын повозил нас по городу: порадовались возродившимися куполами Ильинской церкви, погрустили у печального в своей неприкаянности Жернаковского дома, предполагавшаяся реставрация которого так и не началась до сих пор, восхитились новым драмтеатром и обилием цветущей благоухающей сирени. Поговорили о семейных событиях и давно минувших временах Тюмени и, конечно же, о книге на русском, судьба которой будет решаться сразу после Тобольска. Но из Москвы, перед отлетом домой (через Исландию, где состоялась еще одна встреча ученых-славистов) Ольга Борисовна сообщила, что издание книги на русском, а значит, и ее более продолжительный, чем этот, визит в Тюмень, откладываются на неопределенный срок!

С той поры наше общение – по электронной почте, изредка – открытками. Но... надежда на встречи еще теплится.

ИЗ ИСТОРИИ ТЮМЕНСКИХ ГОРОДСКИХ ДОМОВ

Знаменитый «сорок пятый» по улице Республики. В середине прошлого века он стоял рядом с универмагом, переименованным затем в «Детский мир». Ныне на том месте возвышается гладко-стенный, высоченный новодел – магазин «Москва».

Дом серый как воробышек, на три этажа, не считая подвального, в старину – провинциальный. Но такой «продвинутый» внутри. Планировка квартир не утратила притягательных свойств и поныне.

Три комнаты с большой кухней, окнами на обе стороны дома. Солидная квадратная прихожая. В гостиной – выход на балкон, ко двору. А там – действующий фонтан. В пятиметровой бетонной чаше, глубиной полтора метра, белый лебедь, стоя в центре на гряде камня, бросал в небо, запрокинув голову, победный клич в виде упругой водяной струи. Между прочим, патриарх тюменских фонтанов.

Автор этих строк, будучи школьником средних классов, изнемогая в постели от ночной жары, забирался туда и плавал, окунаясь с головой.

Еда готовилась на кирпичной плите, топящейся дровами, с духовкой (дань времени, скудного на энергоресурсы). В подвале при каждой квартире кладовка – дровяник.

Когда дом встал на краю пустыря единственным зубом в округе, до кончины вождя оставалось шесть лет. «Врагам народа», подобным Варламу Шаламову, было еще сидеть и сидеть.

Пустырь с деревянной трибуной в два человеческих роста, внутри которой всегда дурно пахло – гладкий без единого кустика,

к радости мальчишек школы № 25, устраивающих там футбольные баталии. Было жаль, когда он начал застраиваться, терялось место для игр. Теперь там, подле здания бывшего обкома партии, раскинулся ухоженный сквер, – в цветах и зелени деревьев. Вокруг памятника В.И. Ленину, едва ли не лучшему в России.

В школе, по тем временам исключительно мужской, учился и наш знаменитый земляк Юрий Гуляев, в будущем народный артист СССР, солист Большого театра.

Однажды на школьном вечере он пел вместе со своей сестрой, нежно ей выговаривая своим теплым баритоном: «Моя душечка, моя кошечка...». «Ах, оставьте, не лукавьте, ваша песня не нова...», – отвечала, мило на него поглядывая, сестра. А Зинаида Яковлевна, наша «Коробочка», математичка, сняв пенсне, внимала им сквозь слезы.

Тюменская провинция, обретя областной статус в 1944 году, все еще училась пребывать в новой ипостаси.

Помнится, первый автобус в виде грузовика ЗИС-5, с фанерной будкой в кузове скамейками вдоль бортов и входом сзади по приделанной металлической лесенке, ходил по булыжной мостовой – от центра до музея.

Наискосок от дома, через улицу, вечно хлюпал досками в лужах между торговыми рядами городской базар, соблазняя всякой всячиной от мяса до овощей. И самым ходовым товаром из ларьков – дешевым портвейном на разлив.

И были на слуху названия районов города: Зарека, Крестьянские места, Затюменка, Андреевский поселок, переименованный потом в поселок имени Калинина (за железной дорогой). Обком партии размещался как раз в Затюменке, в здании нынешней строительной академии, пока не переехал в центр.

Окрестила народная молва и некоторые дома. Пятиэтажку у железнодорожного вокзала – Андреевским домом (он сгорел в се-

мидесятых годах в лютый мороз). Угол улиц Семакова и Республики закруглял собою Реконструктор (от реконструкции в прошлом). Ныне, прибежище двух банков, он изменен до неузнаваемости. Вместо крыши нахлобучен еще один этаж с окнами-амбразурами. Вход с угла замурован, а вместе с этим и воспоминания о продовольственном магазине, блиставшем зеркалами на фоне пирамид из консервных банок. А в перестроечные времена и видеосалоне, казалось, поселившемся там навечно.

Первые заселенцы «сорок пятого» были чекисты, находящиеся ныне за флером, мягко сказать, общественного порицания. Но это были нормальные люди, а не те киношные дебилы-измыватели. Потому что, когда Хрущев, разоблачитель культа личности своего усопшего благодетеля, качнул маятник народного гнева в обратную сторону – на чекистов, а за одно и на милицейских, и заработали прокурорские перья под девизом: «аз воздам», – никому из дома Фемида даже не погрозила пальчиком. Лишь нашелся какой-то компромат на действующего начальника тюменского УВД, которого сняли и направили заведовать архивом.

Моему шестидесятилетнему отцу, подполковнику КГБ в отставке, бывшему начальнику отдела борьбы с бандитизмом, тоже приходил вызов на допрос в качестве свидетеля. Но отец был уже смертельно болен, не транспортабелен, свидетельствовать не мог. Однако наказание, все – таки, последовало. Всем – рублем. Действующему составу правоохранительных органов отменили плату за звездочки (звание), возвращенную лишь через десять лет министром МВД Щелоковым. Пенсионерам – отставникам значительно урезали пенсии.

Дом и в дальнейшем пережил несколько всплесков интереса к себе.

Во времена наплыва в Тюмень профессионалов высокого класса, нефтяников, газовиков, ученых – на потребу развивающемуся

нефтегазовому комплексу, случился бытовой, квартирный. Особо ценные спецы с поощрения властей предлагали на обмен две, а то и три квартиры, ныне именуемые в просторечии «хрущевками».

Кое-кто из жильцов соблазнился, разъехался с семьями по разным адресам.

Скороспелое выборочное строительство на пустырях, подозреваю, производилось с единственной целью: не обременять себя сносом старого жилья, с предоставлением квартир его обитателям. Так создавались микрорайоны.

Последний интерес, коммерческий, возник в наши, отягощенные меркантильными заботами, дни. Весь первый этаж оказался скупленным под магазины. Ради этого дом, подвергнутый пластической операции, освободился от былого простодушия. В фартучке из коричневого гранита, закрывшего подвальные окна, в малярном колере стен, сверкающий вывесками, стеклами витрин, нержавеющей перил, — стал похож на бойкого зазывалу. Приглашающего взойти по шести гранитным ступеням в любой бугик: «Парадиз», «Эрмитаж», «Элизабет». Или «на выставку сокровищ морских глубин», к подаркам, обуви, золоту, платине и насладиться «шопингом», этим пиршеством купли-продажи.

Вот в такого разбитного малого в тесной застройке квартала и превратился со временем сорок пятый.

А знаете, кем он построен в 1947 году? Немцами, воевавшими против нас. Да, да. Пленными. Потому и знаменит.

Врагом, пленным, этот дом

Построен в искупление вины.

И поговорку: «Кто с мечом...»

Давайте вспомним, но прочтем,

С такой вот стороны.

ТЮМЕНЬ. ВРЕМЕНА ГОДА

Прошлый год был юбилейным для Тюмени. В этом году нашему городу исполнилось 426 лет. 29 июля 1586 года по указу грамоте царя Фёдора Иоанновича был образован град Тюмень, первый русский город за уральским Каменным поясом в мало ведомой для русских земле Сибирь.

День шагал за днём, месяц сменялся месяцем, годы сплетались венком в века, минуло четыре века с четвертью, и к ним незаметно прибавился ещё один год. То, что строили стрельцы и казаки на высоком берегу Туры, бесследно исчезло в сумраке веков, город который мы видим ныне – иной, но истоки исторической памяти хранятся под вековыми наслоениями старого городища, слой за слоем, как кольца огромного великана-дерева они отражают события его долгой жизни. Царствование последнего Рюрикoviча, сменило смутное время, а затем на российском престоле воцарилась династия Романовых. Потери, победы и приобретения. Россия становится империей, великим государством, и не только по протяжённости своей территории. От Балтики до Аляски и от льдистой, дышащей холодом Арктики до субтропиков Туркестана, государство развивалось, меняя свои формации, модернизировалось, и только климат остался относительно неизменным.

Возможно, первая весна в первом русском городе в Сибири была такой же, как нынешняя весна 2012 года или прошлая 2011. Март в самые первые дни озарил ярким солнцем. Лучи его полные ультрафиолета, отражаясь от белизны нехоженных снегов, резали, слепили глаза. На стенах и крышах острога появились сосульки, первые их слёзы упали в снег, оплакивая скорые проводы зимы.

Отплакали, растаяв льдинки,
Воды серебряной слезой.
И солнце яркие картинки
Рисует кистью озорной.

Но зима, не уступчивая сибирская зима, не торопилась сдаваться и к концу первой декады марта выпал свежий снег. Замели, завывли за маленькими оконцами и бойницами башен метели и бураны. Зима с возвратными холодами и белыми снегами заглядывала в гости в апреле и в мае, бывало и такое в истории Тюмени, что снег выпадал в первой половине июня, резко контрастируя с зеленью трав, покрывая их, не утренней росой, а белыми снежинками.

Лежит на зелени листов,
На травах молодо цветущих
Снежинок искристый покров
Холодный свет в себе несущий.
Спустились льдинки с облаков,
Посланцы утреннего неба,
И сонных головы цветов
Оделись в белый саван-небыль.

Прошёл апрель, пришёл май, дни по-летнему длинные полны солнца и тепла, а ночами северный ветер выхолаживает прогретый за день воздух и он становится сырым, холодным. Прилетели птицы, Тура, Тюменка и окрестные озёра освободились ото льда, в них было достаточно рыбы, а в окрестностях острога, в лесах и на озёрах полно птицы и зверя, так что первые жители Тюмени могли прокормиться, вложив малую толику своего труда в добычу пропитания. Но главной бедой того времени в летнюю пору были не дикие звери и даже не нападения кочевников, а не исчислимые

полчища мошек, комаров, паутов-слепней и других кровососов, мешавших поселенцам нести службу, пахать, охотиться и заниматься строительством и в крепости, и за её пределами. Тюмень в ту пору находилась среди непроходимых лесов и болот, жители спасались от надоедливых насекомых дымом, а дыма, как известно без огня не бывает, поэтому часты были пожары, уничтожавшие всё построенное человеком.

Как только прошёл ледоход, и сошла большая вода письменный голова Данило Чулков с пятью сотнями стрельцов и казаков двинулись вниз по Туре вглубь Сибири и при впадении Тобола в Иртыш заложили град Тобольск, будущую столицу губернии Сибирской (с 1590 года).

В ту же весну на посаде, вспахали первые десятины земли сибирской и посеяли рожь и овёс. Там же и кое-где в крепости разбиты огороды под репу, чеснок и лук. В зоне рискованного земледелия собраны первые урожаи овощных и злаковых культур. Заготовлены на богатых пойменных покосах корма для скота и лошадей. И выписаны знающие хлебопашцы из центральных районов России.

А за полем лес на горке
Сторожит простор лугов,
По утрам на красной зорьке,
Охраняя сон хлебов.

Тюмень отправная точка освоения Сибири и Дальнего Востока, пионеры-первопроходцы вышли на севере к ледовитому океану, образовав у обской губы Обдорск, а на реке Таз «златокопящую» Мангазею, на востоке до океана Тихого, где форпостами встали Охотск и Петропавловск, перебрались через пролив и от Аляски до жаркой Калифорнии появились русские поселения. На

юге покорены Алтай и Саяны, Барабинские степи, север Казахстана и богатый полезными ископаемыми Рудный Алтай.

Семь дорог – семь лучиков света

От тебя убегают к тебе.

А ты, устремляясь к свету,

Всё летишь и летишь по судьбе.

На юг, на запад, на север

И, конечно же, на восток,

Как вольно гуляющий ветер

Идёшь ты за сроком срок.

Тюмень некогда провинциальная столица деревень, стала мегаполисом, центром освоения нефтяных и газовых богатств Западной Сибири. Город моторостроителей, аккумуляторщиков, нефтяников, строителей, металлургов, город рабочих и предпринимателей, тех, кто осваивал нефтяные скважины Заполярья, город студентов и школьников и совсем юных, новорожденных жителей Тюмени, за которыми будущее этого богатого, благодатного края. Этот город должен здравствовать и процветать. Чего я ему и всем нам, жителям Тюмени, желаю.

СОДРОГНУЛАСЬ ЗЕМЛЯ

И ходит по Земле

Босая Память —

Маленькая женщина.

Она идет,

Переступая рвы,—

Ей не нужны ни визы, ни прописки.

В глазах — то одиночество вдовы,

То глубина печали материнской.

Она идет,

Покинув свой уют,

Не о себе — о мире беспокоясь.

Е. Исаев

Горькая сторона войны...

Всем жителям Тюменской области,

кто выжил в тылу.

Светлой памяти бабушки Лагифы

Август 1943-го. Вот и осень подкрадывается неслышно.

А дети разуты, босы, как старших в школу отправлять? Утром утаила от сборщиков хоть два яичка, да молока маленько. Дедушка ночью сходил на поле колхозное за колосьями, которые успел закопать от вездесущих контролеров. Детей чем кормить? Хлеба ведь просят, да зима такая долгая. Выживем ли? Успели рыбы насушить, да в землянке закопать, авось не найдут. Там поди и на трудодни чего-нибудь выделяют. Может, и война закончится, мужики придут до весны. Ой, как тяжело вместо лошадей впрягаться в плуг.

А что делать? Без картошки как? В ноги ей кормилице поклонимся, как закончится война.

Сотни мыслей проносились в голове солдатки Латифы. Ой, красавица! Лицом бела, станом стройна, а как поступь легка. Ведь молодая еще, лет двадцать пять. Да некогда ей красоваться. Ей бы хоть всласть выспаться. Успеет, все успеет. Вот война закончится, там жизнь другая начнется. Наконец-то можно чуть вздремнуть...

Ой, руки ненаглядного мужа так милы, а мысли красавицы легки! Цвела черемуха, она заливалась беззаботным смехом в ту первую весну...

– Совсем разленилась, просыпайся, – строгий голос деда был неумолим.

– Вставай, а то скоро рассвет, не успеешь ведь.

Наспех волосы закрепив гребнем, она уж на ногах. Еле слышно, чтобы дети не проснулись, уже в дверях. Дед заботливо в карман засунул сушеных карасей.

– Пожуешь хоть по дороге.

Приладив к плечам торбу из бересты, она уже бегом несется к лесу.

– Спасибо, луна лучезарная, что освещаешь мне дорогу, да звезды еще не такие блеклые.

Не заметила, как пробежала пять километров. Бригадир Юсуф, вчера многозначительно взглянув, сказал, что сегодня можно к обеду прийти. Значит, все успеет.

Вот и болото, вот и брусника ее заждалась.

– Милые ягодки, я сейчас вот вас соберу, знаете, сколько детям радости подарю? Платье в цветочек выправлю доченьке, а, может, хватит и на обувки?

Проворно и ловко собирали пальчики красные ягодки. В заготконторе примут у дедушки.

Солнце уж встало, пора и домой. С тяжелой ношей идет радост-

но красавица по тропинке знакомой. Вот и поле показалось... Нет, только не это! Сердце ее остановилось. На опушке, насвистывая, стоят контролеры.

– Ну что ж, оформляй, саботаж. Вместо работы на поле, значит, по болотам бегашь?

– Я ж детям...

С плеч сдернули торбу, полную ягод. Весело смеясь, достали нож, искромсали бересту, и ягодки посыпались на черную землю. Все до единой. Упала Латифа к ногам палачей:

– Не надо, не надо, то ж платьишко девочке моей, – еле слышно шептала она, пытаясь собрать, что осталось.

– Ах, платье захотела? Ну что ж, получай! – гневно кричали те сытые мужики.

Со злостью растаптывали безжалостные кирзовые сапоги ягоды, с такой любовью собранные для детей. Через несколько минут земля была красна... Светло-синие облака помрачнели, багровые краски солнца потускнели, холодные капли дождя застучали...

То содрогнувшись, плакала земля... Слезами горькими полон небосвод...

НАМ УМЕРЕТЬ БЕССЛЕДНО
НЕ ДАНО

*Я никогда седым не стану,
Вернее - не успею стать.*

В. Белов

Передо мной два сборника со стихами тюменского поэта Владимира Белова, к творчеству которого испытываю неподдельный интерес: ведь в следующем году исполняется 30 лет с тех пор, как его с нами нет, а через 2 года – его 65-летие.

Первый сборник стихов «Поколение покоя» поэта-кандидата философских наук Сергея Комарова 1966 года издания. В нём – первое почётное место автор отводит стихам В. Белова, и мы читаем:

Откуда силы? И откуда сеет?
Чтобы полжизни за себя бороться.
Так, видно, воле жить – предела нет.
Конец предела – гибелью зовётся.

Второй сборник – свежий, ласкающий взор «Нам умереть бесследно не дано» 2010 года издания, вышедший, как я полагаю, к 60-летию поэта. Тонко и глубоко понимаю, что, действительно, «слишком трудно возвращался к людям забытый Поэт». И долго! Но вернулся. Он с нами. Волнение и благодарность испытываю к редактору-составителю сборника Ольге Ожгибесовой и поэту Сергею Горбунову, пополнившему сборник стихами поэта, ещё не видевшими свет. Это они пригласили любителей поэзии на презен-

тацию настоящего сборника стихов поэта: при жизни Владимиру Белову не суждено было увидеть в печати свой сборник, хотя в те годы, когда он был ещё мало известен, строки его стихов о нравственности многих уже волновали:

Люди милые, люди грешные,
Холод лют,
Одолжите полспички нежности –
Не дают...

...Память уносит меня в осенние дни октября 2001 года в уютную гостиную областного дома писателей на улице Осипенко. Тогда здесь собрались почитатели таланта поэта, знакомые, друзья. С портрета смотрел на собравшихся молодой, красивый, улыбающийся поэт, а друзья тепло вспоминали о нём и восторженно читали его стихи:

И медленно садится снегопад
На крыши, на следы, на парапеты...
Мне ничего не надо – я богат,
Хотя и нет рубля на сигареты...

...Малиновый воздух в дремучем логу
И мох, как зелёная вага,
И в жарких кустах на крутом берегу
Охрипше кричат сорочата...

Много интересного и неизвестного об увлечённости Владимира Белова. Словом удалось узнать из воспоминаний тюменского поэта и прозаика Виктора Ивановича Захарченко, близко знавшего поэта, прослушав сохранившиеся у него редкие записи авторского голоса.

Возвышенно читал тогда свои стихи-воспоминания, посвященные памяти друга поэт Сергей Горбунов, а постичь тайны свободной и страдающей поэзии В. Белова помог глубокий анализ стихов поэта Сергея Комарова, подарившего нам свой сборник. Отчётливо вспоминается, что о поэте Владимире Белове, как явлении ярком, неординарном, редком и значимом рассказывал поэт Михаил Алексеевич Федосеенков – составитель сборника «Очертания основ».

С большим чувством и взволнованно была воспринята песня «Казарки» на слова В. Белова, исполненная под гитарный аккомпанемент тюменским журналистом и поэтом-бардом Леонидом Ткачуком:

Полоснёт по душе непонятный мотив,
Как плеснули на пламя солярки...
Запрокинешь лицо, обо всем позабыв, –
Это ж вновь улетают казарки!..
Этой тайны души никому не понять:
Отчего обжигает печалью?
Будто время пришло – самому улетать,
Оборваться за огненной далью...

Та незабываемая встреча с яркими представителями культурного мира нашего города, близкими по духу и призванию, объединёнными тогда глубоким, редким и высоким чувством души – бережно хранить, ценить и беречь память о своём друге-земляке (он родился в Аромашевском районе), неординарном поэте Владимире Белове – продолжает волновать и заставляет вновь и вновь обращаться к этому томику стихов, возвратившему поэту жизнь.

ДАВАЙТЕ ПОМНИТЬ СОКОЛЫ

- «Зернышки», на выход!
- «Капель», готовимся к выходу!
- Слава, ты выходишь скоро.
- Скорей, скорей, ваш выход, «Соколята».
- Выходит «Росинка».
- Пошли гулять ботинки! Выходим, выходим, улыбаемся.

Обычное, примелькавшееся в повседневке сухос, направляющее наше передвижение в пространстве слово «выход», вдруг приобрело чарующую, возвышенную окраску. Идет последняя репетиция перед отчетным концертом, который сейчас начнется в школе искусств «Гармония» г. Тюмени. Свои успехи представит хоровое отделение.

Концертный зал напоминает чудесное порхалище, где в предвкушении заветного «выхода» бегают, кружатся, суетятся, прыгают вверх-вниз по ступенькам, и щебечут юные исполнители. И, глядя на все происходящее вокруг, сразу подумалось: каким своевременным и удачным, наверное, для этих детей был сам вход в мир музыки, песни, сцены, в мир самовыражения.

Вот гомонят самые крошечные, а потому особенно трогательные. Тут же и устроительница их успеха. Это – Людмила Ивановна Юрицина, Отличник Министерства культуры СССР, которая уже 40 лет лелеет свои, через 1–2 года меняющие состав, «Зернышки» и «Росинки» (так называются подготовительная группа в 15–20 человек и младший хор). Белокурая, обаятельная, спокойная, с мягкими материнскими движениями и теплым взглядом, она, как будто, создана работать именно с такими детками, только-только начинающими, т. е. «первичным сырьем».

Вместе они напоминают то ли одуванчик, то ли ромашку: солнечно-желтая, поддерживающая и подпитывающая до поры до времени сердцевина и сосредоточившиеся вокруг нее пушинки или лепесточки, готовые вот-вот разлететься при первом подходящем моменте.

– Людмила Ивановна, почему возитесь с такими крошками? Не трудно?

– Люблю работать с малышкой! Обожаю их. Конечно, это слишком ответственно и хлопотно, но результат того стоит. Ведь дальнейшее становление их зависит от первых шагов. Упустишь – не наверстаешь!

– Какие дети попадают в школу? Имеют ли решающее значение способности или материальное положение?

– Нет, не имеют значения. Берем всех желающих. Каждый ребенок, отталкиваясь от своего исходного уровня, должен и может расти и развиваться.

– С кем труднее: детьми или родителями?

– С родителями. Сначала их нужно приучить дисциплине, ответственности.

– Какая разница между учениками, что были много лет назад, и сегодняшними? Наверное, многое изменилось?

– Раньше было проще, легче. И дети были добрее. Очень заметно стало расслоение общества по материальному достатку. Это сказывается на детях, но мы стараемся такое неравенство нейтрализовать. Тем более, что у нас другие ценности и приоритеты.

– Какие плюсы и минусы в современных детях отмечаете?

– Минусы: лень, избалованность, поверхностные знания в области искусства. Плюсы: техническая грамотность, стремление быть добрыми, любовь к природе и духовной музыке.

Внимание перехватывает другая возрастная группа, те, что постарше. Они уже более «поставленные», чувствуют себя уверен-

нее, разговаривают и важничают иначе. Это подопечные Жанетты Томовны Крыловой, Отличника Министерства культуры СССР, тоже более 40 лет посвятившей себя детям и музыке. Ее задача – бережно сохранив и использовав наработки Людмилы Ивановны, вывести детей на новый уровень и передать их в следующие руки. Нелегкая доля «золотой середины»! Вот где раскрывается талант учителя осуществлять преемственность. И снова налицо – результаты труда и терпения. Даже во время репетиции песни «Хатынь», которую поет ее группа «Капель», невольно хочется встать и затаить дыхание.

А вот и «опытные», скоро заканчивающие музыкальное обучение. Они отличаются совсем другими манерами, поведением и огнем в глазах. Они «держат» уровень. Однако, волнение и трепет одинаково присущ всем «выходящим». В своих сценических одеждах юные артисты просто очаровательны и на глазах вживаются в песню, которую будут петь. И опять подумалось: каким окажется финал прекрасной сказки для этих милых созданий? Останутся ли они такими же невинными и искренними, не закружится ли голова от успеха, не заболеют ли звездной болезнью, со знаком «плюс» или «минус» будут нести по жизни ношу своего дара? Но даже если не все станут «звездами», сохранят ли они в душе очищающий свет прекрасного, не погаснут ли искорки, которые высекает в сердце каждого ребенка настоящее произведение искусства, настоящая музыка? Поможет ли прошедшая школа и в будущем пребывать в согласии с самим собой, окружающим миром, дарить радость и добро ближним, а главное – противостоять злу, равнодушию, жестокости? Где кроются ответы на эти вопросы?

Взгляд останавливается и уже не может оторваться от миниатюрной, яркой, рыжеволосой, целиком поглощенной своей профессиональной деятельностью женщины, всем своим видом вселяющей в своих подопечных уверенность. А ее подопечные и

есть те самые «опытные», т. е. уже завершающие свое образование в рамках музыкальной школы. Это – Вера Михайловна Панова, Отличник Министерства культуры СССР, Заслуженный работник культуры России, с 40-летним педагогическим стажем, еще одна незаменимая участница происходящего, преподаватель старшего хора «Гармония» и ансамбля «Соколята», безусловно наводящая гармонию между детскими душами, их голосами и звуками пианино. Невероятно организованная, знающая черты разновозрастного, разноуровневого детства, сохранившая в себе ребенка, до тонкости изучившая детскую психологию, она именно поэтому умеет раствориться в своих учениках, вовремя нажать нужную клавишу в детской душе – самом сложном музыкальном инструменте. Природная живость помогает ей мгновенно реагировать на любую ситуацию и тут же виртуозно «разруливать» ее даже без слов. Жесты, мимика, дирижерские взмахи так красноречивы, что вызывают восхищение. Все одновременно: тут же обернуться и ласково потрепать по вихрам мешающего, тут же особый взгляд, улыбка, многозначительный кивок головы для одного и для всех – да легко! Но это только на первый взгляд... На деле же наглядно проступает кропотливый, упорный и, не побоюсь этого слова – рутинный, повседневный, тяжелейший труд. А еще очевиднее проступают доброта и неиссякаемая любовь к детям и делу. Глядя на таких профессионалов, ответ на невольные возникшие вопросы по поводу сегодняшнего и будущего учеников музыкальной школы, может быть только таким: не пропадут даром все эти титанические усилия, тренировки и хлопоты.

Концерт состоялся. Он шел один час. Родители счастливы и в умилении от своих чад, а те, в свою очередь, пока не остыли от самых разнообразных эмоций и переживаний, на лицах все еще отражается содержание, которое они «выносили» на сцену.

Состоялся выход и Славы Фетисова, чисто и артистично на

фоне хора исполнявшего песню «Сережка». Трудно представить, что он, больной церебральным параличом и обремененный другими проблемами в здравье, ничем этого не выдав, творил красоту и удивлял зрителей. «Слава – пианист, но всегда очень хотел петь. И вот теперь он еще и солист ансамбля, а за плечами пять лет обучения в музыкальной школе. Ему было трудно даже координировать свои движения», – взволнованно говорит преподаватель старшего хора.

Итак, концерт состоялся. Состоялся очередной «выход» не только «зернышек», «росинок», «капели», «соколят», но и настоящих кудесников своего дела: Людмилы Ивановны Юрициной, Жанетты Томовны Крыловой и Веры Михайловны Пановой. «Три ба» (три бабушки) – шутливо называют свою коалицию эти необыкновенно молодые, красивые, гармонично живущие и работающие женщины.

Остается только верить, что их ученики, разлетевшись по жизни, будут помнить «не только в водоной родник с живой водой».

Вдохновенное вызывает вдохновение. Вот и я, впечатлившись увиденным и услышанным, невольно вспомнив и своих учителей, сложила такие строчки:

Телячьими мы тыкались
Сопливыми мордашками
Оравами детей
В своих учителей.
И дулись недовольные
Суровыми уроками,
Лишаясь сгоряча
Их верного плеча.
Ершистые, упрямые
И хлюпенькие самые...

Ой, как же немало
Нас сгавить на крыло!

А сколько же терпения

В тудягу или гения

Вложили в нас они,

Подвижникам сродни.

Теперь уже в полете мы,

Крылатые, пернатые...

И все нам нипочем:

«Учитель, ты причем?»

Давайте помнить, соколы,

И те, что просто около,

Не только в водопой

Родник с живой водой.

НЕПОЛНАЯ, НО... ПОЛНОЦЕННАЯ СЕМЬЯ

В настоящее время часто приходится слышать: неполная семья – это неполноценная семья. Некоторые даже пытаются утверждать, что один родитель не может дать ребёнку той полноты воспитания, которую могут дать только оба родителя. Никак не могу с этим согласиться и поэтому хотела бы рассказать об одной хорошо известной мне многодетной семье Важениных, в которой не было отца (погиб), а воспитанием детей занимались только мать и бабушка.

Когда Елена Николаевна овдовела, на её плечах осталось четверо детей: Андрею 14 лет, Алёнке и Алёшке по восемь (близнецы), а самому младшему Вовочке только-только исполнилось пять.

Чтобы как-то облегчить тяжёлую участь своей невестки, их часто стала навещать свекровь Елены Николаевны, Ольга Петровна. А через год, продав свой дом, бабушка перебралась к ним насовсем.

В их 3-х комнатной квартире всегда царила чистота и порядок, присутствовала какая-то умиротворённость. Андрей помогал младшим готовить уроки, Алёша с Алёной в свою очередь читали Вове детские книжки, понемногу обучая его грамоте. По субботам всей семьёй делали в квартире уборку, часто обсуждали какой-нибудь просмотренный фильм или прочитанную книгу.

От покойного отца у них остался автомобиль и, когда Елена Андреевна сдала на права, стали время от времени выезжать на природу: собирать грибы, ягоды, лекарственные травы, которые сдавали в аптеку. А осенью выезжали в лес просто так: пофотографироваться да пошуршать опавшей листвой.

В зимнее время года детки, которые постарше, почти ежедневно катаются на коньках на озере Южном. У каждого члена семьи имеются лыжи, и по воскресным тёплым дням их часто можно встретить на лыжне у деревни Комарово.

Самый младший Вовочка любит ходить с бабушкой в театр кукол или цирк, а потом во дворе воодушевлённо рассказывает своим сверстникам об увиденном представлении.

Однажды ранним утром мне на улице повстречался Андрей, он явно куда-то спешил. Я заметила у него в руке какие-то незатейливые рыболовецкие снасти. На мой вопрос: «Далеко ли направился?», он торопливо ответил:

– Витька, мой приятель, с родителями едет на рыбалку. Меня позвали. А у Алёнки с Алёшкой скоро день рождения. Может, удастся поймать что-нибудь.

Я тоже была в числе приглашённых на семейное торжество. За праздничным столом, в центре которого красовалась фаршированная щука, звучали не только поздравления, но и стихи, исполнялись песни. Ольга Петровна провела среди присутствующих конкурсную программу по произведениям русских писателей.

Домой я возвращалась в прекрасном расположении духа, размышляя о том, что в неполной, но вполне благополучной семье воспитываются счастливые дети. В доме, где пропагандируют здоровый образ жизни, путь к алкоголизму, наркотикам и табакокурению напрочь закрыт. Здесь достаточно уделяется внимания всем членам семейства, где две женщины стараются разнообразить жизнь детям, вовлекая в свою сферу деятельности не только домочадцев, но и своих друзей; дарят друг другу своё тепло, любовь, поддержку, доброту и понимание...

Если бы в каждой семье воспитание детей стояло бы на столь высоком уровне, как это происходит в семье Важениных, то в нашей стране не только сократилось бы количество людей, страдающих недугом вредных привычек, но заметно бы снизилась и преступность.

СТОЛИЦА ДЕРЕВЕНЬ

Dm G C Am

Dm E7 Am A7

Dm G C Am

Dm E7 Am Am7

C Dm F C

A7 Dm E7 Am

A7 Dm F C

A7 Dm E7 Am

Am7

Am E7 E7 Am

F C E7 Am

F Dm G C

Dm E7 Am E7

Am E7 E7 Am

F C E7 Am

F Dm G C

Dm E7 Am A7

Dm G C Am

Dm G C Am

Dm E7 Am Am7

Побывал я во многих столицах,
Видел много больших городов,
Не однажды бывал в «заграницах»,
Я об этом скажу пару слов.

Где-то нравилось, где-то не очень,
Было много у жизни страниц.
Жил годами в Москве или в Сочи,
Но влюблён лишь в одну из столиц.

Красавица Тюмень – столица деревень,
Дорога на сто вёрст белым бела.
Всё снегом замело, но нам зимой тепло
От твоего душевного тепла.

Красавица Тюмень – ты целая страна,
С тобой я будто пьяный без вина.
Пушай трещит мороз, но на душе весна,
Я знаю, что в Тюмень придёт она.

Где б меня не носило по свету,
Я всегда возвращаюсь домой.
И не страшен мне северный ветер,
И не страшен мне путь не прямой.

Здесь семья и родители наши,
И друзья, и подруги, и дом.
Здесь места, что не видел я краше,
Так давайте об этом споём.

Красавица Тюмень, здесь всюду чудеса,
Здесь сосны подпирают небеса,
Здесь реки глубоки, что вброд не перейти
Такой природы в мире не найти.

Вокруг лесных озёр шумит сосновый бор,
Дорога по лесам петляет вдаль,
Раскинулся простор, и радуется взор,
И из души уходит прочь печаль.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Ирина Жгурова.....	3
Владимир Фурсов.....	5
Наталья Степанова.....	7
Сергей Дюкалов.....	8
Людмила Дрозд.....	9
Петр Шевченко.....	10
Надежда Крымова.....	11
Галина Грицаченко.....	12
Альбина Никитина.....	13
Мария Микерина.....	14
Анна Иванова.....	15

Проза

Галина Антоневская.....	16
Юрий Лыков.....	21
Людмила Дрозд.....	29
Виктор Хмелев.....	37
Петр Шевченко.....	41
Миля Харченко.....	45
Лидия Самарина.....	48
Светлана Ярмухаметова.....	51
Алла Шамсутдинова.....	57

Песня

Юрий Волков.....	59
------------------	----

Сборник произведений

Ода Тюмени

ООО «ИД «Титул»,
625000, г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 81/3,
тел. (3452) 74-25-42
idtitul.ru

Подписано в печать 25.07.2012 г.

Формат 60x84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная (обложка).

Усл. печ. л. 3,72

Тираж 100 экз.

Изготовлено на цифровом оборудовании

ООО «ИД «Титул»

Обложка отпечатана в типографии

ООО «ИД «Слово».

